

образования»¹, привлечение к осуществлению трудовых функций работников на условиях совместительства открывает возможность усилить профессорско-преподавательский состав необходимыми квалифицированными кадрами: не только с точки зрения обладания ими фундаментальными знаниями, но и практическим опытом. Следовательно, правовой статус такого рода работников должен включать в себя соответствующие элементы, обеспечивающие необходимый уровень юридических гарантий, в том числе стимулирующего и поощрительного свойства. Добиться этого позволяет оформление трудового договора со всеми вытекающими из этого правовыми и организационными последствиями.

Кожевников Владимир Валентинович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета имени
Ф. М. Достоевского

О понятийно-категориальном аппарате общей теории права в контексте соотношения легальных понятий и научных понятий и категорий

Представляется, что актуальность обозначенной проблемы не может вызывать никаких сомнений. Обращаем внимание на то, что некоторые ученые-теоретики в качестве содержательных элементов методологии юриспруденции включают правовые понятия и категории или, с позиции В. И. Червонюка, «категориальный, или понятийный аппарат юридической науки»². А. М. Васильев рассматривал понятийный аппарат общей теории права в качестве специфического звена, элемента метода теории правоведения и обращает внимание на то, что метод как рациональная система приемов, правил действия ученого, процедура познавательной деятельности основывается на теоретической базе, раскрывающей предмет науки³. В. М. Сырых, оценивая вышеизложенные позиции ученых, утверждал, что понятия и категории, хотя и играют важную роль в познании права, выступают основой методов, но сами по себе не являются самостоятельным методом познания⁴. Уточняя свою позицию, в другой работе ученым подчеркивается, что «методологическая роль научных правовых абстракций состоит не в том, что они выступают средством отражения сущностных, закономерных сторон, связей правовых явлений, а в том, что на основе этих знаний разрабатываются правила, принципы применения понятий и категорий в конкретных познавательных процедурах, в процессе движения к новым научным знаниям»⁵. Резюмируя, В. М. Сырых полагает, что «научные абстракции сами по себе, вне «методологически грамотной деятельности», познающего субъекта, не могут дать новых знаний и, следовательно, выступать в качестве единственного или специфического метода познания права»⁶. Н. Н. Тарасов обоснованно подчеркивает, что «понятия общей теории права способны играть в отраслевых исследованиях... методологическую роль...»⁷.

В. И. Червонюк, определяя правовые понятия как научные представления, воспроизводящие (идеально) в мышлении объективную суть реальных процессов правовой действительности и выражающиеся специфически их юридическую качественную определенность, обоснованно считает, что в понятиях теория права и государства концентрирует, выражает накопленные знания, раскрывает свой предмет. Понятия выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. Ученым обращалось внимание на обстоятельство, что для юриста понятия имеют

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1642 (в ред. от 27 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1. Ч. II, ст. 375.

² Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие / под общ. ред. В. И. Червонюка. Москва, 2003. С. 24.

³ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. Москва, 1976. С. 65.

⁴ Сырых В. М. Теория государства и права: учебник. Москва, 2001. С. 556.

⁵ Он же. Логические основания общей теории права: в 2 т. Москва, 2004. Т. 1: Элементный состав. С. 482.

⁶ Там же.

⁷ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки: монография. Екатеринбург, 2001. С. 175.

чрезвычайно важное значение. Правовые понятия — это содержательные научные абстракции, которые в концентрированной форме выражают накопленные знания о государстве и праве. Это своеобразные «кирпичики», на которых строится здание правовой науки¹.

Кстати говоря, В. И. Червонюк обращал внимание и на правовые категории, полагая, что «это наиболее общие, предельно широкие правовые обобщения, отражающие основные свойства явлений государственно-правовой действительности (на надпонятийном уровне)». Они отличаются своей фундаментальностью, представляя собой логическую основу, вокруг которой выстраивается система понятий, образуя «гнездо», «семью» правовых понятий, их логический ряд («право», «государство», «действие права», «правовая система», «правовая среда», «правовая культура» и др.)².

В литературе акцентируется внимание и на то, что понятия выражаются в определениях или дефинициях, которые направлены на точное и краткое раскрытие государствоведческих и юридических понятий. По мнению Н. А. Власенко, «раскрываются понятия и категории при помощи определений (дефиниций), представляющих собой логическую операцию, посредством которой раскрывается их содержание. Формулирование понятий — логический прием, а его результат — текстовая конструкция»³.

Отметим то, что теоретико-методологическая функция теории государства и права заключается в том, что в рамках этой отрасли знания формулируется свод понятий о государстве и праве и связанных с ними явлений. Следует иметь в виду, что «понятия, категории и концепции теории государства и права выступают своеобразными «опорными» пунктами отраслевых и прикладных юридических наук»⁴.

С. С. Алексеев замечал, что одна из задач юридического образования состоит в том, чтобы юрист усвоил язык закона, терминологию юридической науки. По мере освоения правовых знаний происходит обогащение правового словаря юриста: не только усваиваются новые термины, но и углубляется содержание тех понятий, которые тот или иной термин обозначает. Ученым подчеркивалось, что «существенным показателем уровня юридических знаний и является способность юриста свободно и точно пользоваться юридической терминологией»⁵.

Весьма обоснованно позиция Н. А. Власенко утверждающего, что правовые понятия важны не только для архитектоники законопроекта, точность его положений не менее значима и их роль в правореализации, ибо они являются ориентирами, «азимутами» юридической практики. Как подчеркивалось ученым, «невозможно грамотно применять закон, его нормы, не усвоив содержание оперируемых им понятий, часто не только тех, которые содержатся в тексте данного документа, но и других, необходимых для принятия квалифицированного решения»⁶. Кстати говоря, этот ученый характеризует ряд основных требований, предъявляемых к формулированию понятий и категорий, их использования в тексте законопроекта, среди которых в контексте настоящей статьи актуальным является следующее: «При совпадении понятий права и правовой науки обязательным является понятие права... Понятия права и понятия науки могут не совпадать в смысле качества и количества признаков, иных характеристик. При наличии официальных, закрепленных в нормативном правовом тексте научно-правовые понятия в законотворческой и правореализующей деятельности играют вспомогательную роль»⁷. Как обоснованно отмечает С. К. Мамедовым, «нормативные дефиниции — нормы особого рода, органически включенные в механизм правового регулирования, определяющие его общие основы, организационные предпосылки. Орган или лицо, применяющие или исполняющие предписание, не должны трактовать его иначе, чем сформулировано в нормативном акте (вернее, в нормативном правовом акте. — В. К.)»⁸.

¹ Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Указ. соч. С. 32–33.

² Там же. С. 34.

³ Власенко Н. А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. Иркутск, 2001. С. 40.

⁴ Кожевников В. В. Теория государства и права: учебник: в 2 ч. Москва, 2021. Ч. 1. С. 34.

⁵ Алексеев С. С. Введение в юридическую специальность. Москва, 1976. С. 12.

⁶ Власенко Н. А. Указ. соч. С. 40–41.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Магомедов С. К. Унификация нормативной терминологии и единое правовое пространство России // Журнал Российского права. 2004. № 3. С. 28.

Действительно, общепризнанно, что определение, в зависимости от области применения, может иметь различное значение. «Юридическая терминология, — пишет С. П. Хижняк, — включает в себя терминологию права (прикладной области знания) и терминологию науки — правоведения (юриспруденции), которые находятся в тесной взаимосвязи, однако они различаются своим характерными особенностями»¹.

Различая доктринальные (теоретико-правовые) правовые понятия, которые, являясь результатом познавательной деятельности, принадлежат непосредственно науке и посредством которых выражаются те или иные «концепции», «теории», «концепции» юридической науки, и легальные (нормативные правовые) понятия, получившие официальное закрепление в нормативных правовых актах (законах и подзаконных актов), императивно определяющие объем (круг) и содержание общественных отношений, выступающих предметом правового регулирования, Н. И. Панов подчеркивает, что в своем сочетании образуют понятийный аппарат юридической науки². Причем, уточняется автором, трансформация доктринальных понятий в легальные свидетельствует о переходе научных знаний в позитивное право. Ученым определяется органическая взаимосвязь между ними: чем глубже и детальнее разработаны научные понятия, тем в большей мере и успешнее они воспринимаются позитивным правом. И наоборот, чем совершеннее понятийный аппарат позитивного права, его отдельных отраслей и институтов, тем в большей мере он обогащает доктрину и способствует ее развитию. Однако Н. И. Панов особо обращает внимание на то, что «...недостаточно разработанные, не апробированные и не принятые в достаточной мере юридической наукой и практикой понятия, существующие пока на уровне гипотез либо недостаточно сформировавшихся правовых образований, не могут рассматриваться как логико-правовые новеллы и не должны предлагаться субъектам правотворчества в качестве *de lege ferenda*»³.

В свое время С. С. Алексеев полагал, что научная интерпретация понятия, его существенных свойств, элементов содержания традиционно увязывается с необходимостью обеспечения единства вырабатываемых наукой терминов с терминологией закона и юридическим законом практической юриспруденции⁴.

Полагаем, что имеющиеся в правоведении доктринальные понятия и категории должны отвечать следующим требованиям. Во-первых, что их содержание так или иначе определяется так называемым «государственно-правовым компонентом», отражающим сложный, а порой, противоречивый процесс взаимодействия государства и права. Во-вторых, вырабатываемые учеными-теоретиками доктринальные понятия и категория должны ориентироваться на официальные, легальные определения и им не противоречить. Однако, несмотря на значимость дефинитивных норм права в правовом регулировании общественных связей, отношение к ним, как показывает анализ юридической литературы, весьма пренебрежительное: в ней либо искажается их содержание, либо предлагаются такие общетеоретические положения, которые не соответствуют соответствующим дефинитивным нормам. Таких негативных примеров достаточно много. Так, Н. М. Чистяков, рассуждая о дееспособности, полагает, что полная дееспособность наступает с 18 лет, в случае вступления в брак в более раннем возрасте — с 16 лет, хотя, как известно, существует статья 27 «Эмансипация» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), предусматривающая иные условия, при наличии которых гражданин, достигший 16-ти лет может быть признан дееспособным в полном объеме. Тот же автор полагает, что ограниченная дееспособность «устанавливается по решению суда в отношении лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией и др.», хотя в соответствии с частью 1 статьи 30 ГК РФ законодательно закреплено иное: «Гражданин, который вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством». Н. М. Чистяков необоснованно утверждает: «Невменяемость — неспособность лица понимать значение своих действий и руководить ими вследствие психического забо-

¹ Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав: монография / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1974. С. 4.

² Панов Н. И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. 2006. № 4. С. 22–23.

³ Там же. С. 23.

⁴ См.: Алексеев С. С. Теория права. Москва, 1995. С. 30.

левания», хотя далее приводит норму, закрепленную в части 1 статьи 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) **либо** (выделено нами. — В. К.) руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики»¹. Р. Х. Макуев считал: «Недееспособными по решению суда могут быть признаны душевнобольные, лица с ограниченными умственными способностями и др.»², хотя в части 1 статьи 29 ГК РФ закрепляется иное: «Гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством». По мнению ученого, косвенный умысел состоит в том, что «лицо осознает противоправность совершенного им деяния, предвидит вредные его последствия, не желает, но допускает их наступление»³, хотя часть 3 статьи 25 УК РФ гласит несколько иное: «Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично».

Заметим, что в ряде случаев общетеоретические положения имеют соответствующую нормативную основу. Так, в соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 4 мая 2007 года № 88 «нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются только в виде **постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений**. Акты, изданные в ином виде (например, директив и др.), не должны носить нормативный правовой характер. Издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается»⁴. Интересно заметить, что некоторые ученые, соглашаясь с тем, что научные понятия и категории должны соответствовать легальным понятиям, полагают, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются только в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений, ссылаясь при этом на постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»⁵. Между тем ряд авторов, игнорируя это нормативное положение, предлагают «свой» перечень ведомственных нормативных правовых актов, включая и разъяснения о порядке применения того или иного положения в определенной сфере деятельности, инструктивные письма, направленные подчиненным органам⁶. С. В. Бошно весьма сомнительно утверждает, что федеральные органы государственной власти не ограничиваются разнообразными формами, которые им прямо разрешены (постановления, приказы, распоряжения, правила, инструкции и положения). По мнению ученого, «они находятся в состоянии практически непрерывного творчества, в том числе в области наименования издаваемых актов. В результате этой инициативной деятельности создаются эклектические соединения форм: инструкция и приказ, положение и инструкция, иные комбинации, появляются такие виды, как директивы, обращения, призывы, наставления и др.»⁷.

Представляется, что эти авторы ошибочно полагают, что указанная норма имеет не обязательный, а рекомендательный характер.

¹ См.: Чистяков Н. М. Теория государства и права: учебное пособие. Москва, 2010. С. 153, 230–231.

² Макуев Р. Х. Теория государства и права: учебное. Москва, 2010. С. 444.

³ Там же. С. 574.

⁴ Об утверждении разъяснений о применении правил подготовки нормативных правовых правил актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2007 года // Российская газета. 2007. 24 мая.

⁵ Котельников А. П., Шагиева Р. В. Источники (формы выражения) права: общетеоретическая модель и современные проблемы совершенствования // Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / отв. ред. Р. В. Шагиева. Москва, 2011. С. 278.

⁶ Любашин В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права: учебник. Ростов-на-Дону, 2010. С. 520.

⁷ Бошно С. В. Теория государства и права: учебное пособие. Москва, 2007. С. 145.

Особо следует подчеркнуть, что соотношение научных понятий и категорий, и легальных понятий не всегда решается в пользу последних при их однозначном доминировании. Существуют примеры, которые ясно показывают, что легальные понятия не соответствуют достижениям общей теории права и в силу этого требуют критического отношения, а не механического восприятия. Так, в соответствии с вышеупомянутым приказом Министерства юстиции Российской Федерации, даётся следующее легальное определение нормы права: «под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение».

Конечно, доктринальные (теоретические) понятия с необходимостью должны ориентироваться на легальные (официальные), им не противоречить, однако, к сожалению, последние не всегда являются безупречными.

Ряд ученых-теоретиков, особо не задумываясь, руководствуясь нормой приказа, весьма сомнительно полагают, что норма права «не теряет свою силу после однократного применения, а действует постоянно»¹, «норма права — это общеобязательное правило, рассчитанное на множество случаев применения...»².

Заметим, что и некоторые советские ученые-юристы связывали норму права только с ее применением. Например, А. С. Голунский в свое время считал, что норма права — это не всякое имеющее юридический характер предписание, а только такое предписание, которое представляет собой общее правило, рассчитанное на многократное его применение³.

Коллектив авторов, проявляя явную алогичность в суждениях, сначала в качестве специфической черты нормы права называют «неперсонифицированность и многократность применения»⁴, а затем, ссылаясь на мнение Д. А. Керимова, утверждают, что юридическая норма «...реализуется каждый раз, когда возникают предусмотренные ею обстоятельства и ситуации»⁵. Представляется, что, если учеными необоснованно акцентируется внимание только на применении нормы права, то тем самым игнорируются прямые (непосредственные) формы реализации: 1) **использование права** — реализация возможностей, предоставленных юридическими нормами; 2) **исполнение обязанностей** — обязательное совершение активных действий, предписанных нормой права; 3) **соблюдение запретов** — воздержание от совершения действий, запрещенных нормой права.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что одним из признаков нормы права является многократность ее реализации. В той или иной редакции это утверждение поддерживается другими учеными. Так, М. И. Байтин считал, что «норма права — единственная в ряду социальных норм, которая поддерживается в своей реализации, охраняется от нарушений принудительной силой государства»⁶. А. Б. Венгеров в качестве одного из признаков нормы права определял «неоднократность (или многократность) ее действия». Ученый подчеркивал: «это означает, что правовая норма создается для постоянного применения, использования, если иное не предусматривается в самой норме»⁷.

В заключение данной научной статьи, затрагивающей различные аспекты правовых понятий и категорий, играющих важную роль в юридическом образовании, хочется привести позицию П. У. Кузнецова: «Мобилизация теоретических и методологических исследований, направленных на осмысление феноменов общественного бытия и разработку соответствующего им правового инструментария, включающего правовые понятия, признается одной из злободневных задач юридической науки»⁸.

¹ Теория государства и права: учебник / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. Москва, 2008. С. 342. Макуев Р. Х. Теория государства и права: учебник. Москва, 2010. С. 290; Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: учебник. Москва, 2005. С. 385.

² Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. Москва, 2012. С. 179.

³ Голунский А. С. К вопросу о понятии правовой нормы права в теории социалистического права // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 21.

⁴ Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Указ. соч. С. 447.

⁵ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, философия права): монография. Москва, 2001. С. 107.

⁶ Байтин М. И. Сущность права (Современное правопонимание на грани двух веков): монография. Москва, 2005. С. 205.

⁷ Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. Москва, 2007. С. 423.

⁸ Кузнецов П. У. Социальная ценность электронного государства: ценности и терминологические проблемы // Информационное общество и социальное государство: сборник научных работ. Москва, 2011. С. 14–15.